

К чему привела актуализация вопроса о философии отраслей права?

Бочкарёв Сергей Александрович,

кандидат юридических наук,
и.о. заведующего лабораторией политико-правовых исследований
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Аннотация. В статье подведены итоги дискуссии на тему: «Философия права и философия отраслей права», которая в 2017 г. была предложена редакцией «Российского журнала правовых исследований» для широкого экспертного обсуждения. Предложение получило отклик ведущих ученых из разных регионов страны и ближнего зарубежья. Итоги опубликованных работ получили распространение и признание. Только на сайте журнала осуществлено свыше 18 тыс. скачиваний статей авторов.

При этом в статье обращено внимание на значительный гносеологический потенциал не только поднятых авторами тем, но и самой по себе дискуссии. Анализ этой полемики как объекта эмпирического наблюдения позволил прийти к ряду значимых выводов. Во-первых, к пониманию того, что философский опыт применим и реализуем в большинстве отраслей права, в том числе в сугубо «практикоориентированных» дисциплинах. Во-вторых, определено значение, в котором юристы-отраслевники использовали философию при осмыслении правовых проблем. В связи с этим выявлены сходства и различия между философской и правовой мыслями, определен уровень допустимого погружения философии в бытие права. Обнаружено, что дискуссия о несовместимости философского и правового знания из-за чрезмерной абстрактности одного и прикладного характера другого не является критической для отраслевой юриспруденции и тем более препятствующей для философско-правового синтеза. В-третьих, актуализация вопроса о философии отраслей права также привела к пониманию того, что традиционное восприятие философии права как междисциплинарного соединения философии и права является во многом линейным, обыденным и упрощенным, а самое главное — ложным.

Понимание отмеченных положений, по убеждению автора статьи, означает, что как отрасли права для своего выхода в область философии, так и философия для проникновения в сферу отраслевой юриспруденции не нуждаются в чем-либо посредничестве в деле взаимопознания, в том числе так называемой «общей теории права».

Ключевые слова: философия права, философия отраслей права, философско-правовая проблематика, правовопознание, правосознание, правоведение.

В 2017 г. редакцией «Российского журнала правовых исследований» впервые в истории современной юридической науки на широкое экспертное обсуждение была вынесена оригинально сформулированная тема: «Философия права и философия отраслей права». Не будем скрывать, что некоторые члены редколлегии относились к этому критически и заявляли о некорректности, двусмысленности и непроясненности названия темы. Предлагали пересмотреть название выпуска и сформулировать его в более доступном, а точнее привычном для понимания и слуха виде, например «Философия права и ее отрасли». Долю скепсиса вносили непонятный статус философии права, а также общее положение философии, которое сегодня характеризуется как кризисное. Однако, по итогам обсуждения редколлегия пошла, можно сказать, на эксперимент. Согласилась

запустить в исследовательскую орбиту в некоторой степени провокационный вопрос, восприятие и интерпретация которого допускала актуализацию темы бытия не только философии права, но и философии отраслей права. На такую неакадемическую вольность пришлось пойти исключительно из научно-познавательной цели. Создать, как минимум, условия для отыскания в обозначенной «некорректности» или в выявленном на уровне постановки темы диссонансе место для новых познавательных маневров.

Если еще более конкретизировать ожидания редакции, то следует отметить, что на этапе постановки темы ее специалисты не задавались следующими и прямо производными от нее вопросами. Например, о том, что есть философия отраслей права и имеет ли она право на бытие? Является ли она взаимосвязанной

и составной частью философии права или обособленной от нее сферой знания? Представляет она собой некие отраслевые философии либо является единой отраслью знания? Скорее, хотелось сконцентрировать внимание на отраслях права и их философском осмыслении. Поделиться ощущением того, что на пути к праву философия еще не пришла к «праву во плоти», остановилась на границе с общей теорией права и государства и до сих пор не преодолела дискуссию с ней о собственных предметах, методах и пределах в целом; не оставила в покое размышления о праве в формате «вообще»; не перешла от слов к делу, к самому праву, как оно представлено в конкретных отраслях. Иными словами, философия не пришла в сами отрасли права, а философия права не получила в них продолжение, не пустила корни и не принесла им свои плоды. С учетом этого праздный замысел инициаторов заявленной темы заключался в изучении состояния ее актуальности, разработанности и научно-практической востребованности.

Предложение получило отклик ведущих ученых из разных регионов страны и ближнего зарубежья. В результате деятельного и заинтересованного отношения специалистов сложилось обстоятельное и коллективное обсуждение проблематики, своего рода межотраслевой и «мозговой штурм». Основные итоги проведенных исследований, имеющих широкое распространение и признание, опубликованы в выпуске журнала № 1 за 2017 г. Только на сайте журнала (russianjls.ru) осуществлено свыше 18 тыс. скачиваний статей авторов указанного номера. Редакция получила значительное число отзывов, а само издание — высокую оценку среди практикующих и теоретизирующих юристов. Авторы обращений высказывали слова благодарности за предоставленную научной общественности возможность ознакомиться с актуальными вопросами философии права. В письмах отмечалась фундаментальность поднятых и обсужденных проблематик.

Отдельно следует отметить, что философско-правовая рубрика стала постоянной и одной из ключевых в журнале. У данной темы появились последователи и продолжатели. По рубрике можно не только отслеживать актуальные исследования, но и оценивать состояние соответствующей отрасли знания, в некоторой мере наблюдать за ее генезисом¹. Дополнительный

¹ См.: Кацапова И. А. Социокультурные основания отечественной философии права: история и современность // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 3(16). С. 48—57; Попова А. В., Абрамова М. Г. Технологическая сингулярность как точка невозврата: назад в будущее? (философско-правовой взгляд) // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 3(16). С. 39—47.

импульс к развитию получила теология права², т. е. одна из старейших дисциплин, которая изучалась и преподавалась в Оксфордском университете со времен его основания в XI в.

В итоге специалисты обсудили широкий круг вопросов: от традиционных до весьма креативных³. При этом о традиционности следует вести речь не как о повторе бытующих из века в век тезисов о предназначении философии права и круге образующих ее содержание вопросов. Вернее будет сказать, что, вооружившись современными представлениями о мироустройстве, исследователи протестировали на прочность издавна сформировавшиеся аксиомы, придав им тем самым обновленное и оригинальное звучание⁴.

Однако хотелось бы отметить, что не только актуализированные темы, но и сама по себе возникшая дискуссия несет значительный гносеологический потенциал. В качестве главного итога выяснилось, что философский опыт применим и реализуем в большинстве отраслей права, в том числе в таких сугубо практических или «практикоориентированных» дисциплинах, как административное право, трудовое право или прокурорский надзор.

В первом случае учеными использована пара категорий «бытие — небытие» для отграничения свойств административного права от не принадлежащих ему признаков и характеристик. «Такое сопряжение категорий “бытие” и “небытие”, — по признанию юристов, — позволило выявить общие, не повторяющиеся в других явлениях свойства, которые носят существенный характер и определяют именно данное явление»⁵.

Во втором случае философия востребована для осмысления трудовозрастной действительности. Учение о ценностях позволило

² См.: Фетисов Т. Кенотическое право в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 2(11). С. 43—52; Фоминская М. Д. Библийская правовая мысль и история современного права // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 229—236.

³ См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. Для познания права предлагается компрехендный подход // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 77—87.

⁴ См.: Овчинников А. И. Основные направления, задачи и цели философии права: история и современность // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 63—68; Попов Е. А. Философия права и социология права в условиях междисциплинарного взаимодействия // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 50—53; Честнов И. Л. Практический поворот в современной философии права // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 69—76.

⁵ См.: Юсупов В. А., Братановский С. Н. Административное право как бытие // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 126—131.

востребовавшему его автору перепроверить некоторые действующие положения трудового законодательства на предмет их соответствия идеям всеобщей свободы, формального равенства, справедливости и гуманизма, представляющим собой сущность права⁶.

В третьем случае правовед рассмотрел генезис прокурорской науки через призму базовых философских категорий и понятий. Для оценки ее состоятельности и самодостаточности он использовал те познавательные аксиомы, которые лежат вне рассматриваемой науки и имеют сугубо философское происхождение. Здесь же специалист обратил внимание на то, что без философского знания затруднительно будет реализовать предложения по выстраиванию «мировоззренческих подходов в науке о прокурорской деятельности, которая, надо признаться, в силу сложившихся десятилетиями традиций являет собой в большей степени прагматическую субстанцию, ориентированную на решение прикладных проблем», не справиться с потребностью по «перестройке ментальности прокуроров», а также по «генной модификации» накопленных за прошедшие десятилетия традиций, не отвечающих требованиям формируемого правового государства⁷.

Иначе говоря, каждый из правоведов необходимости в философии обосновал возможностью выхода с помощью ее методологии из узкой области отраслевого научного знания и перехода в более широкую сферу иных плоскостей знания, получения из них значимой информации об интересующих объектах познания. При этом помимо чисто гносеологической пользы юристы указали на высокую потенцию аксиологической составляющей философии, т.е. на возможность соизмерения с ее помощью целей и ценностей опекаемого их отраслями быта с целями и ценностями человеческого бытия в целом. Онтологический масштаб философского взгляда позволяет на любом этапе убедиться в том, служит ли право справедливой мерой для человека и человечества в общем либо оно превратилось в «мерку» для обеспечения интересов наиболее влиятельных субъектов этого права.

Производное, но не менее важное наблюдение состоит в том, что никто из исследователей-отраслевиков не стремился философскими приемами и средствами организовать или отрегулировать правовую реальность, напрямую

вмешаться с их помощью в ту или иную область юридической действительности. Дополнительно заметим, что причины вскрытого невмешательства философии в юриспруденцию специалисты не делали предметом своих исследований и обсуждений. Они непринужденно и в меру собственного познавательного интереса повествовали на выбранные ими темы.

Однако для наблюдателей за самой дискуссией отмеченный факт означает, что он присутствует, но пока еще находится вне поля активного зрения. Более того, становится очевидным, что вскрытое обстоятельство обозначилось при постановке вопроса о философии отраслей права. Именно на его почве проявилось, что существует естественное, а поэтому пока еще во многом подсознательное понимание уровня той глубины, в пределах которого наука может имплицитно философский опыт в отрасли права. Речь идет о незримом присутствии в мышлении правоведов того ограничителя, который не допускает смешения или подмену юридических средств философскими. Успешным опытом и примером ученые подтвердили, что философская мысль может и способна к погружению в право. Однако исключительно на определенные уровни его бытия — правосознание, правопознание и правоправление (знание). Области правотворчества и правоприменения как живые источники правовой жизни находятся вне прямого доступа философии. Они образуют исключительную компетенцию теории права. Философия может влиять на эти области и активно этим занимается, но только опосредованно, через все те же уровни взаимодействия философской и правовой мысли.

Нужно отметить, что философское мышление такого ограничителя не имеет. Оно способно уйти в практику и пойти на многое из того, что не может позволить себе правовая мысль. В частности, заняться оправданием революции или, как следует из многочисленных примеров истории, стать сподвижником свержения конституционного строя, что априори перечит предназначению правовой идеи, везде и всегда ратующей исключительно за эволюционные (неконфликтные) условия бытия⁸.

⁶ См.: Томашевский К. Л. Аксиология трудового права как учение о ценностях в сфере труда // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 220—228.

⁷ См.: Винокуров А. Ю. Философские подходы к науке о прокурорской деятельности // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1. С. 151—154.

⁸ Заметим, что обоснованием права на революцию, как правило, занимались философы. Правоведы за обоснование этого мероприятия, его целей и задач практически не брались. Американский философ Т. Пейн писал: «Когда все остальные права попорчены, право на восстание становится бесспорным». Немецкий историк и литературовед Т. Моммзен говорил: «Когда правительство не в состоянии больше управлять, оно перестает быть законным, и тот, у кого есть сила, имеет право низвергнуть его». На эту же тему осторожно и очень выверено высказывался отечественный философ И. А. Ильин, допуская и оправдывавший право на восстание при соблюдении ряда предварительных условий.

В отличие от философской мысли правовая имеет иное назначение в бытии и поэтому обременена другой степенью свободы и ответственности перед человеческим сообществом. От этого она на фоне философской или политической мысли является более консервативной и стесненной в импровизации. Если философская мысль в своих пределах может позволить разрушить все до основания, то правовой идее такой свободы не дано. Она всецело озадачена только одним — обеспечением всех и каждого справедливой мерой свободы. Правоприменитель, отвечая своему онтологическому предназначению, не может последовать примеру ученика и последователя Ж.Ж. Руссо, который, выражая свое отношение к учителю и к его наследию, писал: «Верные твоему учению, мы возьмем в руки лом, разрушим старое до основания и соберем камни, чтобы построить новое здание, какого мир еще не знал. Быть может, мне и моим соратникам придется расплатиться за наше дело глубочайшим бедствием или даже преждевременной смертью. Меня это не пугает»⁹.

Знатоки философской мысли, надо отметить, в курсе ее безбрежной вариативности, глубокой пронизательности и высокой способности к действию. Относят эти качества к числу положительных свойств, поскольку в основном именно за их счет в философии достигаются ключевые эвристические результаты. Вместе с тем ответственные специалисты не дают философии желаемой свободы. Оставляют ее в своем произволе и никак не касаются этого произвола исключительно в пределах гносеологического поля. Неслучайно в гносеологии знание относят к числу основных, перманентных и традиционных объектов философской рефлексии. В сфере знания философия выступает тем универсальным языком, на котором с удовлетворением и друг с другом общаются различные области науки (естественные и гуманитарные), а также знания (научные и вненаучные). В связи с этим в основном знание выступает единой и неделимой сферой соприкосновения и взаимодействия философии с правом и с его отраслями. Через знание как спутник правосознания, правопознания и правоприменения возможна реализация практической функции философии, в том числе в области конкретных отраслей права.

Зафиксированное наблюдение также означает, что дискуссия о несовместимости философского и правового знания из-за чрезмерной абстрактности одного и прикладного характера другого не является критической для отраслевой юриспруденции и тем более не препятствует для философско-правового синтеза на ее уровне.

Опубликованные в издании работы не демонстрируют, конечно, весь срез дискуссии, развивающейся по этому поводу в литературе на протяжении длительного времени. Однако они существенно девальвируют те представления в отраслевом правоведении, которые в далеком прошлом были заимствованы у позитивистов XVII—XVIII вв., выступающих против самой философии, а также ее метафизических размышлений о мироустройстве. Далее без какой-либо существенной верификации приняты на вооружение, а сегодня стали аксиомами, провозглашающими о бесполезности философии и ее вредности для права. Хотя известно, что в праве, как и в экономике или политике, есть то общее, что нужно соотносить с более общим и невозможно измерить без помощи метафизических абстракций. В нем есть то частное и конкретное, что невозможно ощутить или даже нащупать без экзистенциальных средств чувствования. В праве есть то неустойчивое или откровенно «одиозное», что не выявить и тем более не «вытравить» без допущения в правоведение философских спекуляций.

Во многом схожую судьбу обрела полемика философов и правоведов о принадлежности философии права к той или иной дисциплине знания. Для отраслевых юристов она оказалась неактуальной. По крайней мере, они ею не озадачились и не усмотрели в ней препятствие для искомой синергии двух сфер знания. На наш взгляд, такое отношение к, казалось бы, фундаментальной и краеугольной теме для обоснования состоятельности философии права и ее высокого научного статуса является небеспочвенным и заслуженным по нескольким причинам. Во-первых, использование этого вопроса в качестве отправной точки или путевой нити для проведения соответствующего межотраслевого исследования неминуемо приведет к безрезультативным итогам. Прежде всего к вовлечению исследователя в нескончаемую и безуспешную дискуссию о том, является ли соответствующая дисциплина философской или юридической. Во-вторых, своего рода «перетягивание» философии права представляется бесперспективным и, грубо говоря, бессмысленным делом. Как явление междисциплинарного порядка, оно всегда останется в этом самом междисциплинарном месте и положении. Не будет являться не одним и не другим. При этом продолжит совмещать и одно, и другое направление. За счет этого сохранит неповторимость, оригинальность и высокую потенцию к креативу. Будет находиться между правом и философией, как между «молотом и наковальней», и ожидать от их соприкосновения той искры, которая сможет дать новый заряд энергии к их развитию.

⁹ Цит. по: Фейхтвангер Л. Мудрость чудака, или Смерть и преображение Жан-Жака Руссо. М., 1965. С. 137—138.

С учетом сказанного нужно оставить в прошлом споры о принадлежности философии права. Не выносить этот вопрос в века и не оставлять его на попечение других поколений в качестве неразрешимого. Тем более он, как показывает обзор проведенных исследований, не дотягивает до столь высокого статуса. Обсуждение его по большей части ведет либо к упражнению в аргументации, либо к попыткам столкновения или подмены предметов разных дисциплин. Необходимо остановиться, удовлетвориться и смириться со срединным положением философии права, что как достигнутая определенность может считаться значимым научным результатом. Таков удел границ и окружающих их приграничных областей, которые навсегда остаются сферой соприкосновения, раздора и в то же время примирения. При этом важно понимать, что столкновение дисциплин как «враждующих сторон» крайне нужно науке, но исключительно в качестве познавательного приема, а не результата, на фиксации которого зачастую останавливаются специалисты.

Более того, актуализация вопроса о философии отраслей права также привела к пониманию того, что традиционное восприятие философии права как междисциплинарного соединения философии и права является во многом линейным, обыденным и упрощенным, а самое главное — ложным.

По поводу определения философии права часто обращаются к одноименной работе Г. Гегеля, к его суждениям и определениям на сей счет. Однако представляется, что главное по вопросу искомой сути в произведении мыслителя не замечается. Оставляется без внимания, в частности, то, что философия права ученого сложена им из многих составных. Прежде всего из философии свободы, философии морали и философии нравственности как наиболее крупных частей рассматриваемой дисциплины. В ее состав, как известно, входят и философии собственности и договора, добра и совести, и философии семьи, гражданского общества и государства¹⁰.

В связи с этим мыслитель отмечал, что «говоря здесь о праве, мы имеем в виду не только гражданское право, которое обычно под этим понимают, но также и моральность, нравственность и всемирную историю, которые также сюда относятся, так как понятие объединяет мысли согласно истине»¹¹.

¹⁰ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост.: Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990.

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем. Б. Г. Столнера; Вступ. Ст. В. С. Соловьева; Примеч. В. С. Нерсесянца. М.: Мир книги, Литература, 2007. С. 90.

Если обратиться к наследию великого голландского мыслителя Б. Спинозы, то можно обнаружить, что его философия права сложена и доказана в геометрическом порядке из философии природы, философии человека, философии добра и зла. На пути к праву он рассмотрел и решил не менее 122 теорем. При этом исследовал природу Бога и рассказал о генезисе души. Затем поведал о происхождении и причинах аффектов. И только в параграфе «О человеческом рабстве, или о силах аффектов» мыслитель, решив 36 теорем, перешел к взаимоотношениям индивида и общества, к праву и уголовному вопросу в частности. При этом переход к праву и выведение главного правового принципа он объяснил результатом глубокого познания Бога¹².

Таков ответ признанных гениев мировой мысли на вопрос о философии права. Список философов и их ответов на этот вопрос можно продолжить. Однако те, кто знаком с тысячелетней историей становления философских учений могут заверить, что в перечислении нет никакой необходимости, поскольку картина останется клинически неизменной. То же самое нужно и можно сказать о составе философии отраслей права. Путь к ним не имеет другой траектории. Он проходит по той же дороге, что и к философии права в целом. Но если говорить точнее, то представления о философии права того либо другого мыслителя складывались специалистами, как правило, из его целостных или фрагментарных взглядов на явления гражданского, уголовного либо иного порядка. Из того же (процитированного ранее) признания Г. Гегеля, следует, что на пути к философии права он отталкивался от философии свободы, подразумевал философию гражданского права, затем исследовал философию уголовного вопроса и только в последней части своего произведения перешел к философскому осмыслению общеправовых тем (о государстве, обществе, семье и т.д.).

В завершение необходимо дополнительно отметить, что актуализация философского осмысления отраслей права не является данью моде. Она обусловлена давно назревшей необходимостью. Отрасли права долго ждали приглашения, но не дождались. Они надеялись на переход научной мысли от общего к частному, т.е. от философии права к философии отраслей права, для того чтобы затем совершить новый вираж от частного к общему. Однако вновь не дождались.

Снисхождение не сошло к ним и тогда, когда отрасли повсеместно начали заявлять

¹² См.: Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 522.

о собственном кризисе, нуждаться в «скорой медицинской помощи», когда стало признаваться, что проведение так называемых новых реформ означает не столько модернизацию отраслевого законодательства, сколько поиск выхода из системного кризиса, в котором оказалось российское право¹³.

В связи с этим невольно встает ряд вопросов. Нужно ли было дисциплинам ожидать, когда теория права разберется в своих общерассудительных темах¹⁴? И что заставляло науки конкретных отраслей права ожидать? Со ссылкой на ту же историю становления философско-правовых учений можно ответить на обозначенные вопросы. Следует обратить внимание, в частности, на то, что, когда не существовало так называемых общих теорий права и даже писаных законов, Цицерону ничто не помешало углубиться во времена правления в Риме царя Тарквиния, найти и исследовать случай изнасилования его сыном невинной Лукреции, а также вывести из этого эпизода вечный закон справедливости и на его основании осудить поступок монаршего отпрыска. Вслед за Цицероном Сенеке ничто не мешало, опираясь на диалог с Эпикуром, убедиться в неточности тезиса своего греческого предшественника о том, что единственным источником наказания служит воля власти, и в конечном счете сформулировать свои взгляды на уголовное наказание, заметить расположение оснований наказания в природе человека. В свою очередь, модераторам юридической мысли Древнего мира, как подсказывает все та же история, также ничто не препятствовало апеллировать к «законам бытия» для того, чтобы проверить на достоверность и справедливость «законы жития».

¹³ См.: Плешанова О., Пушкарская А. Трудности перевода. Как российский Конституционный Суд пытается усовершенствовать гражданское право и что из этого выходит // Коммерсантъ — Власть. 2016. № 9. С. 26.

¹⁴ До сих пор, например, между отмеченными направлениями не разрешен вопрос о предводительстве в познании философско-правовых проблем. Одни задаются вопросами: «Философия права: философия или юриспруденция?» (Чукин С.Г. Плюрализм, солидарность, справедливость. К проблеме идентичности философско-правового дискурса в ситуации постмодерна. СПб., 2000). Другие твердо уверены в философии права как гносеологическом направлении общей теории права (Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М., 2009). Третьи свидетельствуют о подспудной драме наших дней — о жестоком столкновении двух философских позиций в отношении права, двух полярных «философий права», существующих в системах общественной жизни и власти (Алексеев С.С. Философия права. М., 1998). Четвертые ищут промежуточный вариант и предлагают обоснование «юридической философии» (Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. СПб., 2003).

Приведенные экскурсы в историю, как может показаться на первый взгляд, напрямую не отвечают на поставленные вопросы. В основном они указывают на подходы, которыми руководствовались в своем творчестве апологеты философско-правовых учений; обозначают условность тех границ, которые пытаются провести специалисты между рассматриваемыми дисциплинами либо вовсе денонсируют всякие демаркации на исследуемом поле; еще раз указывают на то, что не философии отраслей права идут за философией права, а последняя, по крайней мере, на определенном продолжительном этапе развивалась в основном и благодаря первым. Однако нельзя не заметить, что эти же примеры из прошлого указывают на нахождение современной мысли под влиянием определенных стереотипов. Развитию культуры философского осмысления отраслей права препятствуют представления об общей теории права как о прародителе всех отраслей права. Влияют взгляды на отрасли как на подмастерья общеправовой мысли, которая по тем или иным причинам еще не санкционировала их выход в философскую область или не создала необходимых для искомого взаимодействия условий. Например, не дала понятие «философии отрасли права», не сформировала ее предмет либо не достигла методологической определенности для разрабатываемого направления, не избавилась от ощущения «непонятного статуса философии права» или от предубеждения о неактуальности и несвоевременности обращения к данному направлению, поскольку сегодня, как это часто обосновывается, философия находится в кризисе.

Конечно, нельзя сказать, что круг отмеченных вопросов напрасно ставится и исследуется в пределах общей теории права. Успешное познание этих тем, нужно признать, благотворно влияет на все правоведение. Однако не нужно преувеличивать их значение, переводить внутритеоретические неопределенности и неуверенности в статус межотраслевых дилемм и тем более искусственно делать из них «камни преткновения». Например, подходить к философии той или иной отрасли права через попытку определения того, что есть философия уголовного права или философия гражданского права. Иначе говоря, сводить тему к известной дискуссии, оценка которой здесь уже дана, и существенно упрощать к ней подход. Более того, останавливаться на указанных общетеоретических вопросах — значит игнорировать то, что философия той или иной отрасли не является чем-то иным, что представляет собой сама философия права. Разница между этими дисциплинами очень близка к той, которая существует между общей теорией права и теорией конкретной отрасли

права, т.е. всецело обусловлена не разностью предметов и методов, а спецификой осмысленного объекта.

Понимание отмеченных положений означает, что как отрасли права для своего выхода в область философии, так и философия для проникновения в сферу отраслевой юриспруденции не нуждаются в чем-либо посредничестве в деле взаимопознания. Например, для того чтобы наука уголовного права смогла познать физические и метафизические пределы охраняемой жизни, ей не нужно выходить в область теории права, искать в нем некое обобщенное или усредненное понятие жизни, а затем выносить его на уровень философского осмысления. В ином случае стоящая перед философией генеральная задача по познанию сущности и специфики рассматриваемой отрасли права утратит свое значение. Каждый раз будет отыскиваться «общая температура по палате».

Список литературы

1. Алексеев С.С. Философия права. М., 1998.
2. Винокуров А.Ю. Философские подходы к науке о прокурорской деятельности // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1. С. 151—154.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост.: Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. М., 1990.
4. Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. СПб., 2003.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Для познания права предлагается комплексный подход // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 77—87.
6. Кацапова И.А. Социокультурные основания отечественной философии права: история и современность // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 3(16). С. 48—57.
7. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М., 2009.
8. Овчинников А.И. Основные направления, задачи и цели философии права: история и современность // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 63—68.
9. Плешанова О., Пушкарская А. Трудности перевода. Как российский Конституционный Суд пытается усовершенствовать гражданское право и что из этого выходит // Коммерсантъ — Власть. 2016. № 9. С. 26.
10. Попов Е.А. Философия права и социология права в условиях междисциплинарного взаимодействия // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 50—53.
11. Попова А.В., Абрамова М.Г. Технологическая сингулярность как точка невозврата: назад в будущее? (философско-правовой взгляд) // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 3(16). С. 39—47.
12. Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 522.
13. Томашевский К.Л. Аксиология трудового права как учение о ценностях в сфере труда // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 220—228.
14. Фейхтвангер Л. Мудрость чудака, или Смерть и преобразование Жан-Жака Руссо. М., 1965. С. 137—138.
15. Фетисов Т. Кенотическое право в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 2(11). С. 43—52.
16. Фоминская М.Д. Библейская правовая мысль и история современного права // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 229—236.
17. Честнов И.Л. Практический поворот в современной философии права // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 69—76.
18. Чукин С.Г. Плюрализм, солидарность, справедливость. К проблеме идентичности философско-правового дискурса в ситуации постмодерна. СПб., 2000.
19. Юсупов В.А., Братановский С.Н. Административное право как бытие // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1(10). С. 126—131.

What the actualization of the question leads about philosophy of branches of law?

Bochkarev Sergei

PhD in Law, Acting Head of the Laboratory of Political and Legal Research of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Abstract. The article analyzes the prospects and state of the philosophy of law and philosophy of the branches of law. This topic was discussed for the first time in the history of modern legal science after in 2017 the editorial staff of the Russian Journal of Legal Research put it out for wide discussion by publishing a number of articles on the subject in the journal (No. 1, 2017). The proposal to pay attention to this topic received the response of leading scientists from different regions of the country and neighboring countries. As a result of an active and interested attitude of specialists, a thorough and collective discussion of the problems, a kind of intersectoral and “brainstorming,” was obtained. Only on the journal’s website (russianjls.ru) over 18 thousand downloads of articles by the authors of this issue were made. The editors received a significant number of reviews, and the publication itself was highly appreciated among practicing and theorizing lawyers.

Updating the philosophical understanding of the branches of law is not a tribute to fashion. It is due to a long overdue need.

Key words: *philosophy of law, philosophy of branches of law, philosophical and legal issues, legal knowledge, legal consciousness, law.*

References

1. Alekseev S.S. *Filosofia prava* [The philosophy of law]. Moscow, 1998.
2. Vinokurov A.Iu. *Filosofskie podkhody k nauke o prokurorskoj deiatel'nosti* [Philosophical approaches to the science of prosecutorial activities]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2017. № 1. S. 151—154.
3. Gegel' G.V.F. *Filosofia prava* [Philosophy of Law] / Per. s nem.; red. i sost.: D.A. Kerimov i V.S. Nersesians. Moscow, 1990.
4. Zakomlistov A.F. *Iuridicheskaia filosofia* [Legal philosophy]. Saint Petersburg, 2003.
5. Zakhartsev S.I., Sa'nikov V.P. *Dlia poznaniia prava predlagaetsia komprekhendnyi podkhod* [A comprehending approach is proposed for the knowledge of law]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2017. № 1(10). S. 77—87.
6. Katsapova I.A. *Sotsiokul'turnye osnovaniia otechestvennoi filosofii prava: istoriia i sovremennost'* [Sociocultural foundations of the domestic philosophy of law: history and modernity]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2018. № 3(16). S. 48—57.
7. Kerimov D.A. *Metodologiya prava: Predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [Methodology of law: Subject, functions, problems of philosophy of law]. 5-e izd. Moscow, 2009.
8. Ovchinnikov A.I. *Osnovnye napravleniia, zadachi i tseli filosofii prava: istoriia i sovremennost'* [The main directions, tasks and goals of the philosophy of law: history and modernity]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2017. № 1(10). S. 63—68.
9. Pleshanova O., Pushkarskaia A. *Trudnosti perevoda. Kak rossiiskii Konstitutsi-onnyi Sud pytaetsia usovershenstvovat' grazhdanskoe pravo i chto iz etogo vykhodit* [Difficulties in translation. How the Russian Constitutional Court is trying to improve civil law and what comes of it] // *Kommersant* — *Vlast'*. 2016. № 9. S. 26.
10. Popov E.A. *Filosofia prava i sotsiologiya prava v usloviakh mezhdistsiplinarnogo vzaimodeistviia* [Philosophy of law and the sociology of law in the context of interdisciplinary interaction]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2017. № 1(10). S. 50—53.
11. Popova A.V., Abramova M.G. *Tekhnologicheskaia singuliarnost' kak tochka nevozvrata: nazad v budushchee? (filosofsko-pravovoi vzgliad)* [Technological singularity as a point of no return: back to the future? (philosophical and legal view)]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2018. № 3(16). S. 39—47.
12. Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniia: V 2 t.* [Selected Works: In 2 vols]. T. 1. Moscow, 1957. S. 522.
13. Tomashevskii K.L. *Aksiologiya trudovogo prava kak uchenie o tsennostiakh v sfere truda* [Axiology of labor law as a doctrine of values in the world of work]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2017. № 1(10). S. 220—228.
14. Feikhtvanger L. *Mudrost' chudaka, ili Smert' i preobrazhenie Zhan-Zhaka Russo* [The Wisdom of the Eccentric, or Death and the Transfiguration of Jean-Jacques Rousseau]. Moscow, 1965. S. 137—138.
15. Fetisov T. *Kenoticheskoe pravo v Sviashchennom Pisanii Vetkhogo i Novogo Zavetov* [Kenotic law in the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2017. № 2(11). S. 43—52.
16. Fominskaia M.D. *Bibleiskaia pravovaia mysl' i istoriia sovremenno go prava* [Biblical legal thought and the history of modern law]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2017. № 1(10). S. 229—236.
17. Chestnov I.L. *Prakticheskii povorot v sovremennoi filosofii prava* [A practical turn in modern philosophy of law]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2017. № 1(10). S. 69—76.
18. Chukin S.G. *Pliuralizm, solidarnost', spravedlivost'. K probleme identichnosti filosofsko-pravovogo diskursa v situatsii postmoderna* [Pluralism, solidarity, justice. On the problem of the identity of philosophical and legal discourse in a postmodern situation]. Saint Petersburg, 2000.
19. Iusupov V.A., Bratanovskii S.N. *Administrativnoe pravo kak bytie* [Administrative law as being]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Research]. 2017. № 1(10). S. 126—131.

